

ТАТАРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, ОТРАЖАЮЩИЕ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

Г.С. Хазиева-Демирбаш

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, г. Казань*

Рассматриваются вопросы комплексного изучения личных имен в плане проблематики языкового моделирования окружающего мира. Дается описание типологических особенностей мотивации личных имен. Проводится системный анализ татарских личных имен с точки зрения изучения человеческого фактора в языке и в речи. Доказывается, что личные имена, отражающие окружающий мир являются важным материалом для серьезного исследования в языке культурных, народно-психологических и мифологических и мифопоэтических представлений, а также менталитета народа в этнолингвистическом ключе. В результате исследования личных имен в этнокультурном аспекте выявлено, они являются национально-маркированным пластом языка. Культурно-исторические ассоциации, этнокультурные коннотации личных имен порождены разными экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: антропонимика, татарские личные имена, окружающий мир, растительный мир, животный мир, космогонический мир.

Человек познает окружающий мир как объективную действительность, которая находит свое отражение в антропонимической системе. Древний человек чувствовал свое бессилие перед природой, поэтому он тотемизировал, делал объектом приклонения различные названия животных, птиц, и все это отражалось в антропонимах. Древний человек познавал окружающий мир через понятные и близкие для него племенные отношения и всё это переводил на животных, в том числе и на природу [1, 64]. Человек уподоблял себя и свое племя животным, выполняя функцию идентификации. Поэтому уподобление человека животным, считалось приравнением свойств животного человеку. Личные имена, связанные с названиями животных, в древности отражали мифологию народа и были призваны указывать «на принадлежность к данному роду, восходящему к мифическому пародителю-зверю» [2, с. 82]. Культ животных, птиц сохранился в геральдических знаках династий тюркских народов, в фольклорных материалах, в народной медицине, в антропонимии.

В данной статье анализируется этнокультурное пространство татарских личных имён, которые отражают окружающий мир. В тюркской ономастике отдельные фрагменты отражения окружающего мира описаны в работах Г.Ф. Благовой [3], в турецком – Д. Аксан [4], А. Эрала [5], в башкирском – З.М. Раемгужиной [6], А.Г. Шайхулова [7] и др. Описанию окружающего мира в личных именах в татарской антропонимике обращено в монографии Г.Ф. Саттарова [8], который изучал вопрос отражения анимистических и тотемистических воззрений в татарских именах в лексико-семантическом аспекте. Однако до сих пор в татарской антропонимике не предпринимался подробный анализ отражения окружающего мира в

татарских личных именах. В этом смысле предпринятое нами исследование восполняет в определённой мере существующий пробел.

Окружающий мир в древнетюркской антропонимии представлен несколькими семантическими группами: животный мир: 1) дикie животные, 2) домашние животные, 3) птицы, 4) рыбы; растительный мир; космогонический мир. Такой принцип разделения, по нашему мнению, целесообразно отражает представления древних тюрков о мире: мир неба, наземный мир, подземный мир. Разнообразие наземного мира объясняется с общественно-хозяйственным укладом жизни древних тюрков, который явно отражается в антропонимической системе. Наречение младенца тотемным именем относится к древним традициям, когда человек пытался передать тотемную силу ребенку. Личные имена, связанные с тотемным животным, функционировали только в аристократических слоях общества и были необходимы для того, чтобы аристократы знали историю своего рода. Знание родословной также важно было для поднятия по иерархической лестнице и для обоснования своей принадлежности к высшему слою общества. Такие имена встречаются у тюркских ханов: Арслан, Бури хан, Ил-Арслан, Ирбис, Ышбара, Поши хан, Болан каган и др. [1, с. 402; 2, с. 82]. Личные имена, связанные с общетюркским культом волка, показывали принадлежность человека к аристократической знати. Как известно, в жизни кочевых народов, занимавшихся скотоводством, культ волка имеет особое значение. По китайским источникам лучшая часть тюркской кавалерии называлась «волками». История рода Ашины берёт свое начало от «десяти сыновей», рождённых волчицей. Слово «Ашина» имеет значение «превосходный волк». В то же время слова «тюркский хан» и

«волк» функционировали в языке как синонимы. Имя Кубрата – знаменитого вождя приазовских болгар в отдельных источниках дается как Курт, Корт, что в древнетюркском языке обозначает «буре» [1, 31]. В основах ЛИ Бури шад, Бури хан лежит тюркское слово «бори» – ‘волк’. В фольклорно-этнографических материалах татар тотемным животным является белый волк. Огузская форма названия волка «курт/корт» в исторических источниках Азовских болгар связана с полководцем Кубрат ханом. М.З. Закиев, этимологию имени Кубрат обосновывает, таким образом, словами кубар + ат в переводе означает ‘летающая лошадь’ [9, с. 58].

В Волжской Булгарии общетюркский тотем волка был заменён на болгарского барса, который считался самым надежным защитником народа. Среди хазарских и болгарских племен были и племена барсил. В орхон-енисейских надписях встречаются имена: Барс бек, Ирбис (снежный барс), Ирбас Ышбара (могучий барс) и др. В тюркских енисейских памятниках зафиксированы личные имена qut bars, kara bars, küç bars, bört ora bars и др. [10, 293]. Детей нарекали данными именами, чтобы ребенок был сильным, как барс, а также нарекали детей, рожденных в год барса по древнетюркскому календарю. Имя царя Дунайской Булгарии Бориса до 864 г., т.е. до принятия христианства, было Барс. В записках путешественника Ибн-Фадлана упоминается о том, что болгарские племена детей нарекали именами Барас, Барс. Компоненты «барс» были популярны во времена Улуса Джучи и Казанского ханства. Таким образом, культ барса был широко распространён и функционировал почти во всех исторических пластах развития антропонимической системы татар.

В кочевых племенах был широко распространён и почитаем вместе с культом волка культ собаки. Она являлась тотемным животным многих кыпчакских племен. В некоторых генеалогических легендах собака была началом родоплемена. Аристократы кыпчакских племён, гордясь связью с собакой в их генеалогии, называли своих детей именами, связанными с собакой: Кобэк, Кончак, Энэк, Көчек, Муйнак, Бойнак и др. В этнографических материалах казанских татар бытовал обычай, связанный с рождением ребенка. На новорожденного надевалась рубашка, которая называлась «көчек күлмәге» (‘рубашка кутенка’), которая по народным поверьям защищала ребенка от злых сил и глаза. В сознании народа собака воспринималась как защитница от злых духов и разных болезней. В писцовых книгах Казанского уезда 1602–1603 гг. встречаются имена-фамилии Көчек Атагечев, Көчек Карачаров, Көчек Тялтиков и др. [11, с. 54]. Д.Г. Тумашева, исследовавшая антропонию сибирских татар, отмечает широкое распространение имен и фамилий: Кучук Чурин, Кучук Минлибаев, Кучек Рамазанова, Кучук Куванаев и др [12, с. 45]. Вместе с именами

образованным от слова «Эт», «Көчек», функционировали и личные имена Көбэк и Барак, Ногай в значении «собака». Как отмечает Н.А. Баскаков, данные имена были широко распространены у половецких князей [13, с. 53]. Древнетюркские личные имена от названий тотемных животных, являются репрезентантами материальной и духовной культуры тюркских народов. В них ярко отражаются оседлый образ жизни, занятие скотоводством татарского народа. Личные имена, образованные от названий домашних животных, образованы от компонентов: бога, инэк и др. Личные имена с компонентом «буга» давались мальчикам с целью, чтобы ребенок был сильным, мужественным. В древнетюркском языке встречается функционирование имени Бууа [14, с. 180]. В татарской антропонимической системе встречаются имена Айбуга, Акбуга, Алабуга, Бугаарслан, Ирбуга, Тайбуга, Төгәлбуга, Сарыбуга, Ишбуга, Ташбуга, Тимербука и др. В эпиграфике Волжских Булгар встречается имя inuk (Инук) [15, с. 190]. Это имя восходит от древнетюркского слова inak [14, с. 211].

В енисейских памятниках зафиксированы имена с компонентом qoçuq «баран-производитель»: qoçuq töläs tirig. Образ барана был тесно связан с Тенгри и Небом и большое место занимал в космогонических верованиях древних тюрков. Образ барана отражается и в болгарских археологических материалах [1, с. 154]. Баран является жертвенным животным, посвященным солнцу, небу. В татарских афористических изречениях есть поговорка: «Алланың кашка тәкәсеме син?». Так говорят, когда кто-либо пытается поставить себя в особое положение.

В единичных случаях в составе личных имён встречаются названия домашних животных: *Колын*, *Тай*, *Бузагу* (‘теленок’) (в древнетюркском языке buzaçu – ‘телёнок’ [14, с. 130]; *Кузый* ~ *Күзи* – ‘ягнёнок’ [16, с. 422], в татарских диалектах слово «кузый» является формой ласкового обращения к детям; *Тулэк* (‘осенний барашек’). Данные компоненты зафиксированы в личных именах: *Каратай*, *Кузыбай*, *Кузыбала*, *Колынбикә*, *Актай*, *Тансыктай*, *Тайбар*, *Тайчура*, *Каратай* и др. Указанные имена не встречаются в современном антропонимиконе, однако дошли до наших дней в комонимах и фамилиях Кузыев, Кузеев, Кузыгилдеев, Кузыбеков, Тайбеков, Тайханов, Тайгузин и др.

Важной частью бытовой жизни древних татар, наряду с развитым скотоводством являлась также охота на ловчих птиц. В антропонимиконе татар функционировали личные имена с компонентом диких птиц – чагры, тугрул, турумтай, ябалак, туйт, тургай, карлыгач, күке, карга и др.

Многообразие личных имён древних тюрков, основу которых составляют названия птиц, дает нам предположить, что в древнейшем периоде их религиозное мировоззрение было теснейшим образом связано с культом птиц. В словаре М. Кашгари зафиксированы имена Muhammed

Çakır Tonga han [17, с. 111], Çağrı Beg [17, с. 345], Çağrı Tegin «тегин, подобный соколу» [17, с. 415] – в именах Çağrı ‘сокол’; Тоуғи [17, с. 387] от названия птицы, которая «уничтожает тысячу гусей, чтобы съесть одного» [17, с. 482]; Turumtay [17, с. 243] «хищная птица» и др.

В татарском антропонимике зафиксировано личное имя, от диалектального варианта его в значении ‘сова’, распространённого в тюменском, заболотном говоре [16, с. 509]. В древнетюркском языке слово его означает ‘мудрый, умудрённый опытом’ [14, с. 622]. В древнетюркском языке зафиксировано личное имя ögäçük, ögädäj, ögädäj han [14, с. 379].

В древнетюркском языке зафиксированы имена с компонентом «күке» – ‘кукушка’, от которого образованы личные имена Күкебай, Күкехан, Кәккүк и др. В татарской генеалогической системе имеется родословная, относящаяся к роду Күке.

В енисейских эпитафиях зафиксированы имена, связанные с миром птиц: külig toğan. Данное имя представлено компонентом тоган ‘сокол’ + кулиг ‘титул’. Как отмечает В. Кормушин, однотипная проприальная часть именованья в виде «сокола» говорит за то, что это были, вероятно, почетные прозвища, которые впоследствии, как во многих тюркских языках, пополняли именник [10, с. 291].

Личные имена отражают культ космогонических представлений. Ранние булгары, как и далекие предки, одухотворяли окружающий мир, природе. До принятия ислама Волжской Булгарией встречаются личные имена, связанные с поклонением древних тюрков солнцу, звездам, луне, культу земли и воды. Использование компонента «ай» ‘луна, месяц’ корнями восходит к культу луны у древнетюркских народов. Сформированный в период язычества активный компонент «ай» в татарском антропонимике имеет переносные значения. Например, в древнетюркском языке слово «ай» имеет значение ‘красивый, изящный, умный; светлый’.

В древнетюркском словаре күн имеет значения 1) солнце, 2) день [14, с. 79]. Көн – это символ света, тепла, красоты, свободы во многих тюркских народах, в том числе и у булгаро-татар [8, с. 63]. По нашему мнению, если компонент көн в женских именах выступает в качестве символа красоты, света, то в мужских личных именах он определяет время суток рождения младенца (Көнтимер, Көнбирде, Көнбак; жен. Көнбикә, Көнжамал, Көнсылу, Көннур и др.). В системе верований булгар довольно широко распространены культы огня, солнца. В древнетюркском языке зафиксированы личные имена Күнеш, Күнтоғду [14, с. 327], Күнтоғмуш, Күндэй–Күнтэй, Көнбикә, Көнсылу, Көнтимер, Көнчура, Көнбак, Көнбай, Көнбәк. Компонент күн встречается в топонимах Татарстана. Параллельно с компонентом «күн» используется компонент «кояш» – ‘солнце’. В ис-

торической антропонимике зафиксированы имена Көн–Кояш, Көнбикә–Кояшбикә, Көнсылу–Кояшсылу и др.

Также поклонение природе отражено в личных именах, образованных от гидронимов, топонимов, космонимов и др. В данных именах особенностью является обращенность к определённому объекту. В имятворчестве XX века появляются новые формы имён, образованных от названий рек, озёр, городов и гои др. Например, в конце XX века зафиксированы личные имена, посвященные реке Волга, татарским вариантом которой является название Идел: Идел, Иделман, Иделия, Иделә, Иделбакты; Эльба – личные имена, посвященные реке бассейна Северного моря; Урал, Казбек, Алтай – личные имена, посвященные горам. Данное явление в антропонимике Г.Ф. Саттаров относит к древнейшему явлению, отмечает давнее существование тесной взаимосвязи, перехода географических названий в личные имена и наоборот.

Тотемистические и анимистические представления окружающего мира отразились в одухотворении атмосферных явлений. Отражение в личных именах названий явлений природы употребляется во многих тюркских языках. В татарском языке функционировали имена Болыт – ‘облако’, Буран – ‘буран’, Буранбай – ‘буран+богатый, богач’, Ямгырчы – ‘дождь’+ афф. указывающий на занятие’, в турецком языке встречаются личные имена То-ман, Томанжы, Ягмур, Карягды [5, с. 62], в казахском языке – Айборан, Боранжан, Жанбырбай, Жанбырбәк [18, с. 80], в туркменском языке – Гарлы, Давыллы [19, с. 201]. Ш. Аннакылычев отмечает частотное употребление в туркменском языке личных имён с компонентами явлений природы: «личные имена, связанные с планетами, природой и её явлениями чаще давались мальчиками» [19, с. 201]. В основном, личные имена, образованные при помощи названий природы, – это особенность мужских личных имён.

Татарские личные имена, связанные с окружающим миром, относятся к одним из древних. Они нашли свое отражение как в лексике, так и в антропонимической системе того или иного народа.

Статья написана при поддержке гранта Республики Татарстан при Президиуме Академии наук Республики Татарстан (гос. № 18-62 - ф Г - 2016).

Литература

1. Давлетшин, Г. *Очерки по истории культуры татарского народа (исток, становление и развитие)* / Г. Давлетшин. – Казань: Татарское книжное издательство, 2004. – 431 с.
2. Гумилев, Л. *Древние тюрки* / Л. Гумилев. – СПб.: Кристалл, 2003. – 575 с.
3. Благова, Г.Ф. *К характеристике типов раннетюркских антропонимов* / Г.Ф. Благова // *Вопросы языкознания*. – 1998. – № 4. – С. 180–190.

4. Aksan Doğan. Her yönüyle dil. Ana çizgileriyle dilbilim / Aksan Doğan. – Ankara, Türk Dil Kurumu, 2000.
5. Erol A. Adlarımız / A. Erol. – Istanbul: Turan Kültür Vakfı, 1999. – 610 s.
6. Шайхулов, А.Г. Башкирские и татарские имена собственные / А.Г. Шайхулов, З.М. Раемгужина. – Уфа, 2006. – 92 с.
7. Шайхулов, А.Г. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения / А.Г. Шайхулов. – Уфа, 1983. – 72 с.
8. Саттаров, Г.Ф. Татар антропонимикасы / Г.Ф. Саттаров. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. – 276 с.
9. Закиев, М.З. Древнетюркская ономастика и её морфонология / М.З. Закиев. – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 416 с.
10. Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология / И.В. Кормушин; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2008. – 341 с.
11. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / под науч. ред. И.П. Ермолаева, М.А. Усманова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. – 239 с.
12. Тумашева, Д.Г. Этнические связи западно-сибирских татар (по материалам топонимии и антропонимии) / Д.Г. Тумашева // Советская тюркология. – 1987. – № 2. – С. 51.
13. Баскаков, Н.А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях / Н.А. Баскаков // Тюркская ономастика. – Алма-Ата, 1984. – С. 48–76.
14. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
15. Хакимзянов, Ф.С. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык / Ф.С. Хакимзянов. – М.: Наука, 1987. – 191 с.
16. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. / Төз. Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Г. Садыкова, Т.Х. Хайрутдинова. – Казан: Татар. Кит. нәшр., 2009. – 839 с.
17. Махмуд ал-Кашиғари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в. 3 т. / пер. с араб. А.Р. Рустамова; под. ред. И.В. Кормушина. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 1. – 461 с.
18. Жанузаков, Т.Ж. Обычаи и традиции в казахской антропонимике / Т.Ж. Жанузаков // Этнография имён. М., 1971. С.100-103
19. Аннаклычев, Ш. Мотивы выбора имён у туркмен / Ш. Аннаклычев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. – М.: Наука, 1970. – С. 201–206.

Хазиева-Демирбаш Гузалия Сайфулловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань), guzhaz@mail.ru

Поступила в редакцию 15 января 2016 г.

DOI: 10.14529/ling160205

TATAR PERSONAL NAMES REFLECTING THE OUTSIDE WORLD

G.S. Haziyeva-Demirbash, guzhaz@mail.ru

Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov,
Academy of Science of the Republic Tatarstan, Kazan

The article deals with the problem of personal names used in modeling the outside world. The author gives an outline of typological features of personal names motivation, analyzes Tatar personal names from the point of studying the human factor in language and speech, and proves that personal names reflecting the outside world constitute certain material for a profound research of cultural, national, psychological, mythological, and mythopoetic ideas in the language, as well as mentality of the nation in ethnolinguistics. The results of the research show that personal names refer to the nationally marked language layer. Cultural and historical associations, ethnocultural connotations of personal names are generated by different extralinguistic factors.

Keywords: anthroponymy, Tatar personal names, outside world, flora, fauna, cosmogonic world.

References

1. Davletshin G. *Ocherki po istorii kul'tury tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie)* [Sketches on Cultural History Of the Tatar People (Sources, Formation and Development)]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004, 431 p.
2. Gumilev L. *Drevnie tjurki*. [Ancient Turkic Peoples]. St.Peterburg, Kristall Publ, 2003, 575 p.
3. Blagova G.F. K karakteristike tipov rannetjurkskih antroponimov [To the Characteristic of Types of Early Turkic Antroponim]. *Voprosy jazykoznanija*, №4, 1998, pp. 180–190.
4. Aksan Doğan. *Her yönüyle dil. Ana çizgileriyle dilbilim* [The Main Line of Each Aspect of the Language Linguistics], Ankara, Türk Dil Kurumu, 2000.
5. Erol A. *Adlarımız* [Names]. Istanbul, Turan Kültür Vakfı, 1999, 610 p.
6. Shajhulov A.G. *Tatarskie i bashkirskie lichnye imena tjurkskogo proishozhdenija* [Tatar and Bashkir personal Names of a Turkic Origin]. Ufa, 1983, 72 p.
7. Shajhulov A.G., Raemguzhina Z.M. *Bashkirskie i tatarskie imena sobstvennye* [Bashkir and Tatar Proper Names]. Ufa, 2006, 92 p.
8. Sattarov G.F. *Tatar antroponimikasy* [Tatar Antroponimics]. Kazan, Kazan un-ty nashr., 1990, 276 p.
9. Zakiev M.Z. *Drevnetjurkskaja onomastika i ejo morfonologija* [Drevnetyurkskaya Onomastics And Its Morphology]. Astana, TOO «Prosper Print» Publ, 2013, 416 p.
10. Kormushin I.V. *Tjurkskie enisejskie jepitafii: grammatika, tekstologija* [Turkic Yenisei Epitaphs: Grammar, Textual Criticism]. Moscow, Nauka, 2008, 341 p.
11. *Cadastres Kazan district 's 1602–1603* [Cadastres Kazan District's 1602–1603]. Ed. I.P. Ermolaeva, M.A. Usmanov. Kazan, Publishing House of Kazan University, 1979, 239 p.
12. Tumasheva D.G. *Jetnicheskie svjazi zapadno-sibirskih tatar (po materialam toponimii i antroponimii)* [Ethnic Communications of the West Siberian Tatars (on materials of toponymy and an antroponimiya)]. *Sovetskaja tjurkologija*, 1987, no. 2, p. 51.
13. Baskakov N.A. *Imena polovcev i nazvanija poloveckih plemen v russkikh letopisjah* [Names of Polovets And the Name the Polovetskih of Tribes in the Russian Chronicles]. *Tjurkskaja onomastika*. Alma-Ata, 1984, pp. 48–76.
14. *Drevnetjurkskij slovar* [Drevnetyurksky Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969.
15. Khakimzyanov F.S. *Epigraficheskie pamyatniki Volzhskoy Bulgarii i ikh yazyk* [Epigraphic Monuments of Volga Bulgaria and their Language]. Moscow, Nauka, 1987, 191 p.
16. *Tatar teleneç zur dialektologik syzlege* [Big Dialectological Dictionary of the Tatar Language] Ed. F.S. Bajazitova, D.B. Ramazanova, Z.G. Sadyjkova, T.H. Hajrutdinova. Kazan, Tatar. Kit .nashr. Publ., 2009, 839 p.
17. Mahmud al-Kashgari *Divan, lugat, at-turk (Svod jurkskih slov)* [Divan, Lugat, at-turk (Corpus Turkic Words)]. Ed. I.V. Kormushina. Moscow, Vost. lit. Publ., 2010, Vol. 1, 461 p.
18. Januzakov T. *Obychai i traditsii v kazakhskoy antroponimike* [Customs and Traditions in Kazakh Anthroponyms]. *Ethnography names*. Moscow, 1971, pp. 100–103.
19. Annaklychev Sh. *Motivy vybora imjon u Turkmen* [Motives of a Choice of Names at the Turkmen]. *Lichnye imena v proshlom, nastojashhem i budushhem*. Moscow, Nauka, 1970, pp. 201–206.

Guzaliya S. Khaziyeva-Demirbash, Doctor of Philological Sciences, Scientific worker, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan (Kazan), guzhaz@mail.ru

Received 15 January 2016

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Хазиева-Демирбаш, Г.С. Татарские личные имена, отражающие окружающий мир / Г.С. Хазиева-Демирбаш // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2016. – Т. 13, № 2. – С. 24–28. DOI: 10.14529/ling160205

FOR CITATION

Haziyeva-Demirbash G.S. Tatar Personal Names Reflecting the Outside World. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2016, vol. 13, no. 2, pp. 24–28. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling160205